

На волосок от смерти

Из воспоминаний об опаленном войной детстве

Владимир СИДОРЦОВ,
доктор исторических наук,
профессор

Эта история не является уникальной. Подобными переживаниями могут поделиться тысячи детей войны. Но в ней, как в капле воды, отразились годы лихолетья и нечеловеческих испытаний, выпавших на долю мирных жителей Беларуси в 1941–1944 годах.

Когда началась война, мы втроем (мама, я и младший брат) переехали из деревни Климовка, что в 20 километрах от г. Новобелица (ныне – район Гомеля), в город к бабушке. Оставаться в Климовке, где отец до призыва в армию работал директором неполной средней школы (семилетки) и секретарем местной парторганизации, было довольно опасно.

Через год мне исполнилось 7 лет, я стал первоклассником школы на оккупированной территории. Помню, учились по советским учебникам, но с вырезанными портретами наших вождей и замазанными черной краской их фамилиями...

Моя память зафиксировала ряд опасных для нашей семьи ситуаций.

Пришла военная (в оккупации) осень. Мы стали ощущать голод и холод. Ма-

ма со своей родной сестрой отправилась в Климовку, чтобы накопать и привезти картофеля с пришкольных соток. В нашей школе хозяйничали немцы. Их офицер вышел на крыльцо, разглядел женщин в бинокль и послал к ним ординарца с требованием помыть классы, превращенные в казарменные помещения. «Сейчас, сейчас!» – заверили мать и тетя, а сами решили быстро докопать и убраться. «Еще чего не хватало, мыть немчуре полы!» – решили они. Однако немцам промедление не понравилось. Офицер послал двух автоматчиков, которые привели женщин на школьный двор и поставили к стене сарая, рядом с каким-то мужчиной. Напротив – у крыльца – стали собираться люди. Мама заволновалась всерьез, увидев среди них старосту. В ее памяти мелькнул довоенный эпизод...

Незадолго до начала войны в деревню явились работники НКВД. Кто-то известил их, что один из жителей припрятал зерно вместо того, чтобы сдать его государству. Они искали тайник, но не нашли, и обратились к моему отцу за помощью. Тот отнекивался, но сотрудники НКВД настаивали, и спорить с ними было небезопасно. Тогда отец спросил, заглядывали ли они за заслонку большой русской печи. Сотрудники НКВД сделали по подсказке и обнаружили зерно. Когда вместе с зерном увозили хозяина, тот приподнялся на телеге и закричал: «Я тебе, Никифор, никогда этого не прощу!»

Сердце мамы екнуло. Однако староста заявил офицеру, что знает этих женщин,

ОБ АВТОРЕ

СИДОРЦОВ Владимир Никифорович.

Родился в 1935 году в д. Климовка Гомельского района.

Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1958), аспирантуру Ленинградского государственного университета (1966).

С 1958 по 1962 год работал учителем, завучем, директором в школах Березовского района Брестской области. С 1966 года – преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой источниковедения и музееведения исторического факультета БГУ. С 2001 года – профессор кафедры источниковедения этого факультета.

Доктор исторических наук (1988), профессор (1991).

Автор около 300 публикаций, научных, научно-методических и учебных пособий, в том числе 17 книг.

Сфера научных интересов: методология истории, историография, отечественная и всеобщая история.

одна из них замужем за рядовым учителем, не коммунистом, его забрали в армию, и о нем ходят слухи, что его убили. А вторая женщина – ее сестра. Наверно, им есть нечего, вот и решили накопать своей картошки. Автоматчик дал очередь поверх голов женщин, и их отпустили.

После того случая мать порою проявляла себя как психически неуравновешенная. Рассказала она мне о несостоявшемся расстреле лишь перед своей кончиной...

Первая военная зима выдалась снежной и довольно морозной. Улицы Новобелицы не убирались. На них образовались горки, и я катался на саночках с одной из них у самого дома. Ко мне подошел немецкий офицер с фотоаппаратом, сфотографировал меня, а затем, подойдя ближе, протянул плитку шоколада. Я заложил руки за спину и бочком-бочком попятился к дому. Офицер пошел за мной. Он познакомился с мамой, сказав, что у него остался на родине сын, очень похожий на ее мальчика. Немец добавил, что, наверное, никогда не увидит сына из-за этой никому не нужной войны. Назавтра он принес фотографию, которая сохранилась в моем альбоме. Позже маму навестил другой немец и сообщил, что тот офицер погиб, и что-то ей от него передал.

► Братья Володя (справа) и Валерий Сидорцовы у стены Климовской неполной средней школы (фото лейтенанта отступавшей части Красной армии, 1941 год)

...Продукты таяли как снег, не было дров. Все, что можно было сжечь, чтобы как-то согреться, мы сожгли. В поисках пропитания мама с сестрой отправлялась в поездки на Украину, где пополняла скудный запас продовольствия, меня домашние вещи на продукты. Бабушка всегда молилась, чтобы они вернулись. Тревожиться за судьбу дочерей у нее были все основания. Путешествовать женщинам приходилось в товарных вагонах, что само по себе было опасно. Кроме того, матери и тете пришлось испытывать не только унижения и угрозы, но порой и насилие.

Недалеко от нашего дома стоял лес, но ходить в него за дровами венгерские оккупанты не разрешали. В доме царил ужасный холод. Как-то рядом на железнодорожной станции сгрузили много санок. Мы с маленьким братом, когда стало темнеть, утащили одни и сожгли их в печке, наслаждаясь теплом. Назавтра вновь отправились на станцию. Но была уже выставлена охрана. Заметив нас, постовые начали стрелять. Я почувствовал, как что-то просвистело около уха. Потом рассказал об этом маме. Она очень разволновалась и запретила нам вечером выходить из дома.

Наступление Красной армии сопровождалось усиленными действиями авиации. Город постоянно бомбили самолеты со звездами. Одной из их целей был склад с боеприпасами, расположенный в нашем районе. Мы спасались в землянке, вырытой в саду при доме. Однажды почувствовали рядом такой мощный взрыв, что противоположные стенки землянки стали будто соединяться. Мои глаза, по словам мамы, едва не вырвались из орбит. Когда вылезли из землянки, то увидели в метрах 10 от нее глубокую воронку с дымящимися на дне остатками снаряда. Это было ужасно! Из горящего склада постоянно вылетали боеприпасы, и никто не мог угадать, в каком направлении они полетят и где взорвутся.

Перед самым освобождением жителей Гомеля, среди которых оказались и мы, немцы погнались в западном направлении в сторону местечка Еремино. Шли долго, брат устал и не мог идти, и мать упростила полицая посадить его на их повозку. Расстояние между повозкой и нами все увеличивалось, скоро она пропала из ви-

ду. Мама опомнилась и побежала вперед. Догнала, забрала брата... На опушке леса мы расположились на ночлег. А рано утром начались расстрелы жителей. Мама обняла нас и горячо молилась. От неминуемой смерти нас спасли появившиеся советские танки. Мы их заметили и увидели, как немцы и полицаи побежали куда-то в сторону. Слезы радости все лились и лились по нашим щекам.

После освобождения маму долго таскали в НКВД, заставляя писать, чем она занималась во время оккупации. Возможно, причиной этого стал несостоявшийся расстрел во дворе школы в Климовке. От этих «пытках» ее освободил отец. Войну он закончил под Кенигсбергом в должности заместителя командира отдельного батальона связи, который обслуживал артиллерию дивизии. Ее стали перебрасывать на Восток, где готовились к войне с Японией. Но военные действия там быстро закончились, и дивизия осела в Кирове – городе на Вятке. Офицерам разрешили привезти семьи. Так мы оказались далеко от Гомеля. В Кирове отец сдружился с начальником лагеря для немецких военнопленных. Когда отмечали наступление 1947 года, отец взял меня с собой в одну из казарм лагеря. Я увидел большую комнату с двухъярусными койками у стен, а посреди – елку, украшенную самодельными игрушками. Немцы радостно окружили меня, стали угощать конфетами и подарили губную гармошку. В моем детском представлении они были такими же хорошими, как и наши люди. Но ведь раньше они хотели расстрелять мою мать и тетю, а после – и всю нашу семью!

Военное лихолетье не прошло для меня даром. Мама полагала, что постоянный голод, холод и страх отрицательно сказались на моем росте и зрении. И до сих пор за обеденным столом у меня проявляется «хватательный рефлекс».

Мысленно перенесемся от далеких военных событий в наше время и посмотрим на то, что происходит в Украине. Я хорошо понимаю жителей ее юго-восточной части. Они ведут суровую борьбу с современными бандеровцами, для которых нет ничего святого. И примирения с ними быть не может. Об этом

▲ Маленький Вова Сидорцов с саночками на улице у дома бабушки в г. Новобелица (фото немецкого офицера, 1941 год)

говорит историческое прошлое. Моя супруга, которая в детстве жила с родителями в деревне Староволя Пружанского района Брестской области, вспоминает, как они по ночам врывались в дома и, не стреляя, чтобы не выдать себя, орудовали прикладами и кинжалами. Как-то ворвались и в их дом: напугали детей, ее отца в одних кальсонах и босиком выгнали на снег. Как оказалось, им нужна была помощь, чтобы погрузить на сани убитую ими свинью соседа. Того бандеровцы избили – он пытался им возразить, посадили в сани, а на окраине деревни ударили прикладом по голове и выбросили на дорогу умирать. Чудом сосед остался жив... У местных жителей сложилось мнение, что бандеровцы хуже немцев. Они сеяли страх у населения.

Перед детьми войны, особенно на оккупированной врагом территории, стояла задача выжить. Они – жертвы войны. В области социальной истории понятие «дети» дифференцируется возрастом от 3 до 11 лет включительно. Беречь детей, воспитывать их в духе общечеловеческих ценностей является важнейшей задачей государства и общественности. Дети – будущее нашего народа, безопасность страны. И в этом смысле история, изучающая трагические последствия войн, есть политика, обращенная в настоящее и будущее. То, что пережило наше поколение, не должно никогда повториться. ─